

Г.А. Кругликова
(Екатеринбург)

Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия в первые годы советской власти

Распад Советского государства в начале 1990-х годов, политические и экономические реформы, изменения социальных приоритетов, смена ориентиров на массовую зарубежную культуру привели к снижению внимания российского общества к проблемам сохранения историко-культурного наследия. Поэтому сегодня, как никогда, остаются актуальными проблемы сохранения историко-культурного наследия, бережного отношения к памятникам отечественной истории и культуры, изучения истории родного края, восстановления патриотического воспитания молодежи. Сохранение исторического и культурного наследия важно еще и потому, что в настоящее время происходят процессы пересмотра генеральных планов застройки городов, создания историко-архитектурных и ландшафтных заповедников, парковых зон, развития туризма, передачи культовых зданий-памятников верующим, исторических памятников – арендаторам.

Приобщение к историко-культурному наследию дает нам не только понимание прошлого, но и знание настоящего в свете того смысла, который мы усматриваем в будущем. Недаром В.Г. Белинский писал: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем»¹.

Всеобъемлющим, достоверным и своеобразным носителем информации о прошлом является историко-культурное наследие. Это кладовая материальных и духовных составляющих, имеющая личное, коллективное, государственное происхождение. Историко-культурное наследие представлено множеством свидетельств разного характера. Это и археологические находки (предметы быта, украшения, орудия труда и т. д.), и природно-архитектурные ландшафты, и иные сохранившиеся предметы материальной культуры (старинные станки, приборы, утварь и т. п.), письменные источники (государственные акты, летописи, книги, дневники и т.п.), произведения искусства и др.

Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия имеет поучительную историю, на протяжении которой происходила эволюция ее средств, форм и методов. В области защиты историко-культурного наследия совершенствовалась как функциональная охранительная деятельность государства (правотворческая, правоохранительная, правоприменительная), так и объектная, т.е. непосредственная деятельность государственных органов с целью поддержания общественного порядка, сохранения компонентов исто-

рико-культурного наследия, обеспечения прав граждан на свободное творчество и доступ к историческому и культурному наследию.

Проблема культурного наследия находилась в центре внимания советской общественности. Более того, она приобрела в первой половине 1920-х гг. еще большую остроту и актуальность, не сходила со страниц партийной и советской печати. Вокруг нее кипели жаркие споры, велись дискуссии, развернулась напряженная идеологическая борьба.

В 1950–60-е гг. историки и культуроведы писали о ленинской «теории» или «концепции» культурной революции. Однако, по мнению В.Г. Чуфарова, законченной теории или концепции у В.И. Ленина не было². Да, у руководителя партии и правительства попросту не хватило времени для ее разработки. Другое дело, что статьи, письма, записки, проекты декретов, выступления на съездах по народному образованию и культпросветработе, многочисленные беседы В.И. Ленина с деятелями культуры дают цельное представление о принципиальных ленинских взглядах по ряду важнейших проблем развития советской культуры.

В последних работах В.И. Ленина, в частности «О кооперации», появился термин «культурная революция». Однако, само понятие «культурной революции» принадлежало А. Богданову и было введено им еще до 1917 г. Он считал, что социальная революция пролетариата может быть подлинно социалистической лишь в том случае, если пролетариату еще до социальной революции удастся «у себя» совершить «культурную революцию», создать пролетарскую культуру³.

В.И. Ленин же подошел к пониманию проблем культурной революции как к процессу в духовной жизни нового общества после завоевания пролетариатом политической власти, когда уже совершилась социальная революция. Термин «культурная революция» был взят на вооружение руководящими работниками культуры, а затем стал широко фигурировать во всех официальных документах и печати.

Государственная политика в сфере охраны памятников, складывавшаяся с октября 1917 г. до середины 1920-х гг., заключалась в интенсивном выявлении и постановке памятников на учет, создании специальных государственных органов и организаций, занимавшихся охраной памятников.

В целях выработки общей программы действий, единого научно обоснованного подхода при выделении памятников, нуждавшихся в защите государства, 28 мая 1918 г. Большая государственная комиссия по просвещению приняла постановление о создании Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины НКП РСФСР⁴, которому подчинялись все без исключения органы охраны историко-культурного наследия. Это открывало новый этап в деятель-

ности Советской власти по сохранению историко-культурного наследия, способствовало превращению его в национальное достояние.

Создание в структуре НКП РСФСР Отдела по делам музеев и охране памятников явилась лишь одним из непереносимых условий, которые должны были обеспечить сохранность историко-культурного наследия. Важным фактором в деле охраны памятников прошлого стали декреты и постановления Советской власти, в относительно короткий срок заложившие юридические основы оценки произведений искусства и реликвий старины.

Организационные формы охраны памятников были закреплены в двух основополагающих законодательных актах, четко выразивших суть политики Советской власти по отношению к культурно-историческому наследию: декрете «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» от 19 сентября 1918 г. и декрете Совета Народных Комиссаров РСФСР «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г.⁵

Первый зафиксировал положение о государственном учете и контроле всех организаций и частных лиц, занимавшихся торговлей предметами искусства и старины. Второй предписывал «в целях сохранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящихся в России, ... произвести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины как в виде целых собраний, так и отдельных предметов, в чем бы обладания они не находились», а также взять на учет памятники, отдельные предметы, имевшие большое научное, историческое или художественное значение⁶.

Таким образом, именно эти документы сделали незыблемыми на ближайшие годы те положения, которые явились результатом долгих поисков отечественных специалистов в области охраны историко-культурного наследия. Последующие законодательные и нормативные акты, направленные на охрану памятников, – постановления ВЦИК и СНК РСФСР, распоряжения, циркуляры НКП, Наркомюста, Наркомзема, ВЧК, – в основном уточняли, дополняли и конкретизировали отдельные положения вышеуказанных декретов.

Важным моментом в формировании структур государственной охраны памятников стало постановление НКП РСФСР об обязательном учреждении в составе губернских и областных отделов народного образования губмузеев – подотделов по делам музеев и охране памятников искусства и старины (декабрь 1918 г.). Губмузеи должны были обеспечить быстрое претворение в жизнь двух основополагающих декретов: о запрещении вывоза за рубеж, об учете и

охране произведений искусства, реликвий старины вне зависимости от их юридической принадлежности. Формирование сети государственных органов охраны памятников продолжалось в течение двух лет. К концу 1920 г. в подавляющем большинстве губерний и областей РСФСР были образованы губмузеи. Их общее число достигло 47⁷.

Важное влияние на сеть провинциальных органов охраны памятников оказала административно-территориальная реформа в стране, начавшаяся с 1923 г. Ее целью было укрупнение существовавших губерний и создание на их базе краев и областей. В результате этого губернские органы охраны памятников были ликвидированы, новые же органы охраны во вновь созданных краях и областях созданы не были. Потребительский подход к историческому и культурному наследию прошлого, нигилистические призывы избавиться от ненужных традиций прежней культуры, варварское истребление памятников старины, в первую очередь церковных учреждений и предметов религиозного культа, нанесли непоправимый ущерб истории и культуре России.

Декретом ВЦИК и СНК от 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» намечались меры по ремонту и реставрации памятников архитектуры, определялись обязанности местных органов власти в реализации мероприятий по охране памятников истории и культуры. Декрет предписывал губернским исполкомам «принять энергичные и действенные меры к неукоснительному соблюдению порядка учета и охраны памятников искусства, старины и природы»⁸.

В 1925 г. контроль за работой по выявлению и учету архитектурных памятников был возложен на Центральные государственные реставрационные мастерские. Но в условиях нараставшего нигилизма по отношению к культурным ценностям было невозможно проводить эту работу эффективно. Памятники прошлого объявлялись наследием эксплуататорских классов – помещиков, буржуазии, кулаков, служителей культа, наследием, во многом враждебным революции и подлежащим строгому отбору.

Реформа Наркомпроса и местных органов народного образования (1927 г.), которая привела к «децентрализации» в области управления музеями и охраны памятников, практически свела на «нет» роль Отдела по делам музеев НКП РСФСР. Функции Отдела в сфере охраны историко-культурного наследия ограничивались общим методическим руководством, осуществлявшимся одним сотрудником⁹.

Таким образом, созданная в 1921 г. сеть губернских органов охраны памятников постепенно разрушалась, а к концу 1928 г. фактически перестала существовать. Значение центрального органа по

охране памятников – Отдела по делам музеев Наркомпроса РСФСР было сведено до минимума. Все это не могло не отразиться на решении важных проблем в сфере охраны историко-культурного наследия, прежде всего, его выявления, учета, сохранения ценностей.

В 1928 г. в сфере охраны памятников сложилась ситуация, которая требовала многоплановых неотложных решений наболевших вопросов. С особой остротой в то время стоял вопрос о восстановлении фактической охраны памятников на местах. Рассмотрения требовали и проблемы ассигнования во всей сфере охраны памятников, подготовки квалифицированных кадров в этой области. В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа 1928 г. «О музейном строительстве» были сформулированы основные задачи в деле сохранения историко-культурного наследия. Акцент был смещен в сторону выявления и подготовки списка памятников революционного движений, искусства и старины, «... подлежащих охране и не могущих быть изъятыми, уничтоженными или измененными без получения на то согласия со стороны Наркомпроса РСФСР»¹⁰.

1929 г. занимает особое место в летописи отечественной культуры. От этой даты ведется отсчет чудовищного по своим последствиям разрушения памятников культуры. Впервые за всю историю мировой цивилизации XX века в СССР началось организованное и планомерное уничтожение художественных, архитектурных и исторических ценностей. Были закрыты и взорваны тысячи церквей и часовен, в которых погибли десятки тысяч произведений искусства. Области и районы страны соревновались друг с другом – кто больше уничтожит памятников прошлого.

Конечно, здесь сыграл свою роль, прежде всего, идеологический климат в стране, создавший атмосферу нетерпимости к наследиям прошлого. К числу чисто административных мер, исходивших от высших эшелонов власти, относится снятие в 1930 г. с государственного учета 75% всех памятников страны.

Таким образом, рубеж 1920–1930-х гг. оказался самым трагичным временем для памятников истории и культуры. Страна потеряла огромное количество культурных ценностей, созданных прошлыми поколениями. Были нарушены преемственность, подорваны накопленные веками духовно-нравственные связи и традиции. Обращение к изучению данного исторического периода делает актуальным исследование, результаты которых могут быть полезны для выработки современной эффективной политики в области охраны памятников.

Примечания:

¹ Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 291–292.

² См.: Чуфаров В.Г. Теоретическое обоснование В.И. Лениным задач форм и методов культурной революции в СССР // Интеллигенция России в конце

XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. Екатеринбург, 1998. С. 167–174.

³ См.: Богданов А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. Изд. 3-е. М., 1923. С.229.

⁴ Народное просвещение. 1918. № 6. С. 2.

⁵ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 352–353; 399–400.

⁶ Там же. С. 399.

⁷ Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917–1920 гг. М., 1989. С. 158.

⁸ СУ РСФСР. 1924. № 18. Ст. 179.

⁹ Заколадкин И. Развитие структуры Наркомпроса и его местных органов // Народное просвещение. 1927. № 11–12. С. 45–72.

¹⁰ Ежендельник Наркомпроса РСФСР. 1928. № 42. С. 4–5.

*А.В. Лапицина
(Пермь)*

Культурное позиционирование города Кунгура

Ни для кого не секрет, что в сознании людей уже закреплены строгие стереотипы, в которых какой-либо объект или достопримечательность дает безошибочную отсылку на сам город. Так, например, Эйфелева Башня ассоциируется с Парижем, Биг Бен – с Лондоном, Кремль – с Москвой, а Ледяная Пещера – с Кунгуром. У каждого города есть или может быть своя «визитка», свое позиционирование. Процесс становления «лица города» может продолжаться даже в течение нескольких десятилетий. Неизбежно в создании позиционирования участвуют выдающиеся жители города, интеллигенция. Некими штрихами лица города могут быть и уникальные мероприятия, и просто события истории.

А каково же на сегодняшний день культурное позиционирование маленького старинного городка Кунгура, «уральской Венеции»?

Кунгур на «Грибушинских чтениях – 2007» был назван чайной столицей Российской Империи¹. Определенные основания для этого, конечно же, есть.

Именно в Кунгуре зародилось крупнейшее чайное дело России, известное на рубеже XIX–XX вв. под названием «Торгово-промышленное товарищество «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К°». Эта фирма, основанная в 1840 г. Кунгурским купцом первой гильдии А.С. Губкиным (1816–1883), была одной из старейших не только в стране, но и в мире. Она являлась ровесницей знаменитой английской государственной кампании «Assam Tea Company»².

Второй крупной чаоторговой фирмой Кунгура было дело, основанное в 1956 г. купцом М.И. Грибушиным. Чай из Китая через Монголию и Кяхту³ привозили в Кунгур, а из Кунгура на ярмарки: Ирбитскую и Нижегородскую. Но когда в 1879 г. фирма Губкина